

А. А. ГАГАЕВ

П. А. ГАГАЕВ

•

ТРИНИТАРНОЕ
БОГОСЛОВИЕ
И НАУКА
О ВОСПИТАНИИ

•

Андрей Гагаев

**Тринитарное богословие
и наука о воспитании**

«Алетейя»

2019

УДК 37.017
ББК 74.00

Гагаев А. А.

Тринитарное богословие и наука о воспитании / А. А. Гагаев —
«Алетейя», 2019

ISBN 978-5-907115-77-4

Феномен тринитарной педагогики исследуется в книге на основе субстратной рефлексии (А. А. Гагаев). Человек, цели и содержание воздействия на него, метод воздействия, сосредоточение на себе самом, учительное мышление, педагогическое провидение, педагогизация социума – эти и другие реалии разворачиваются в их обусловленности тринитарной семантикой. Воспитание со стороны социально-метафизической трактуется в контексте тринитарного учения как познание человека, как его благодарение (высшей силы), как утверждение в прекрасном и как долг (старших поколений). Адресована специалистам и студентам, изучающим курс истории и философии образования, а также всем интересующимся судьбами христианства.

УДК 37.017

ББК 74.00

ISBN 978-5-907115-77-4

© Гагаев А. А., 2019

© Алетейя, 2019

Содержание

Введение	6
1. О ликах тринитариев	8
Василий Великий	9
Григорий Богослов	10
Григорий Нисский	12
2. Троичность сознания и бытие человека	14
2.1. Святая Троица	15
2.2. Воздействие	17
2.3. Онтология	18
2.4. Антропология	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Андрей Александрович Гагаев,
Павел Александрович Гагаев
Тринитарное богословие и наука
о воспитании (очерк проблемы)**

Нашей маме Людмиле Никифоровне Гагаевой

©А. А. Гагаев, П. А. Гагаев, 2019

©Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Введение

Для себя самих спасаем мы Троицу и спасаемся Троицею.
Григорий Богослов, Слово 30

*Могу видеть вперед, по предшествовавшему надеяться о будущем,
и знать его по умозаключению, как воспитанник Слова.*
Григорий Богослов, Слово 42

Христианское воспитание. В чем оно обусловлено феноменом *триипостасного* Бога? Поразмываем над этой, по одному основанию, изученной, по другому – во многом не познанной проблемой.

Изученность вопроса – в общей теоретической осмысленности христианского воспитания. Христоцентричность, внимание к душе человеческой, видение ее как богосозданной и богоподобной, самоусовершенствование, полагание в педагогическом воздействии на благодать, наставничество – эти и другие чрезвычайно емкие по содержанию черты христианского воспитания знакомы каждому, кто хоть в какой – то степени постарался всмотреться в историю и современность христианской педагогики. В этих реалиях, обусловленных прежде всего семантикой второй ипостаси Святой Троицы, явлены начала христианского воспитания.

Слабая изученность указанной проблемы в том, что принимаемые в теории христианского воспитания категории: христоцентричность, душа человеческая и пр. – строго не связаны с идеей тринитарного прочтения Создателя. Связь категорий воспитания с Троичностью Бога в истории педагогического дискурса практически не исследовалась. Много в педагогике – теоретической и практической – соответственно рефлексировалось.

В качестве иллюстрации к тезису о недостаточной исследованности проблемы приведем положение о *провидении* наставником (пастырем, учителем) своего ученика, о сопряжении в умозрении тринитарно мыслящего педагога настоящего и будущего его воспитанника. Тринитарное сознание обращено *ко всей жизни* человека. Его (сознания) предмет не малая задача обучения, социализации и пр., а *все* бытие человеческой духовности. Святая Троица есть преобразование мира в его началах, развитии и восхождении к своему пределу. Это и удерживает в себе тринитарная педагогическая рефлексия.

Иллюстрирует малую изученность вопроса и положение *тринитариев* (так будем называть богословов, оформивших учение о Святой Троице) о воспитании как *непостижимо – бесконечной реалии*. Человек бесконечен (у него нет предела) и непостижим. Бесконечен и непостижим, как и сама *Святая Троица*, как и *Христос*, изъясляющий *Бога – Отца* и полагающийся на *Святого Духа* [1, с. 536, 543, 557]. Бесконечен и непостижим человек как *соучастник Евангелия* (выражение апостола Павла, столь чтимого сторонниками тринитарного учения), как вступающий *в братство со Христом* [выражение Григория Нисского; 8, с. 232]. Соответственно, и воспитание его (человека) – реальность бесконечно открытая и становящаяся. В чем открытая и в чем становящаяся? Об этом размышляет тринитарное сознание.

Полагаем, интерес к проблеме обусловленности христианского воспитания идеями троичности связан не только с академическими соображениями, хотя и они значимы, но и с практической ценностью осмысления ее.

В работе постараемся выявить составляющие христианской педагогики в их обусловленности тринитарным учением. Опираемся будем на труды отцов – каппадокийцев – Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского (IV век нашей эры). Благодаря каппадокийцам «христианское сознание овладело, насколько это вообще возможно человеческому уму, великой тайной Троиединого Бога» [В.В. Зеньковский; 6, с. 154–155]. В сочинениях этих бого-

словов тринитарная мысль, восходящая к Евангелию и апостольскому наследию, обрела свое формальное завершение и открытость для последующего осмысления.

Методологией примем субстратную рефлексия А.А. Гагаева, согласно которой в предмете следует увидеть его множественную антиномическую основу, его бытийную единичность и стремление к персонификации и во всем этом ответить на его (предмета) вопрошания к себе [3]. Названная рефлексия была использована в монографии «Хринология», положения которой разворачиваются в настоящем исследовании [4].

Методологией избираем воззрения в богословской и педагогической сфере апостола языков Павла [см. нашу книгу; 2]. Апостола Павла тринитарии чтили и как богослова, и как пастыря. Их идеи и интуиции в главном суть развитие вопрошаний *призванного* апостола (стилистика апостола).

Методологически значимой в работе является концепция образа мира в определенной историко – культурной традиции Г.Д. Гачева [5].

Формат книги – очерк проблемы. Нами осознается, что книга – лишь начало размышления о большом и сложном. Надеемся, кто – то продолжит начатое нами.

Заметим: книгу писали как очерк, как нечто важное, но ставящее в себе самом пределы своего разворачивания. С каждой страницей она увлекала нас, увлекала своей темой и своими вопрошаниями, и тогда нарушались нами законы жанра. Ей (книге) благодарны мы за встречу с вдохновенными интуициями великих тринитариев.

Работа обращена ко всем интересующимся судьбами христианства и христианской педагогики.

Работу обращаем к тем, кто без оглядки на внешний авторитет, без сословного – церковно – сословного – высокомерия ищет Христовой истины в образовании.

Работу адресуем тем, кто не ищет себе выгоды во всяком деле.

1. О ликах тринитариев

*Ими искалась, обреталась и утверждалась истина.
Из речи христиан*

Какими были они – отцы – тринитарии, или великие каппадокийцы (так их по географическому признаку называли современники и потомки)? Постараемся очертить – не более того – их *возвышенные лики*, памятуя о том, что черты духовности человека отражаются в его интуициях и суждениях.

Все трое: Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский (брат Василия Великого) – связаны с Каппадокией, провинцией Римской империи (IV век нашей эры). Все – из знатных семей. Все – глубоко образованные люди. Все трое Божиим промыслом стали епископами. Все трое жизни свои посвятили служению Христовой истине и Церкви. Все несли крест ответственности утверждения Православия во вверенных им Провидением землях (епископское служение).

Их трудами, их подвигом совершенствуется и утверждается догмат о Святой Троице на Втором Вселенском соборе (Константинополь, 381 г.).

Василий Великий

Божественная и безукоризненная душа... Так о нем отзывался друг его и сподвижник – Григорий Богослов [1, с. 751].

Василий Великий пользовался непререкаемым авторитетом у своих современников, включая и тех, кто не разделял его взглядов. Уважение Василий Кесарийский обрел глубиной своей натуры, образованностью, честностью в епископском служении, любовью к людям и – главное – верностью Святотроицовой истине [«спасительному учению»; 1, с. 755].

Был он глубок, мужествен и милосерден. За эти качества современники прозвали его *Великим*.

В «великой борьбе» за веру [выражение Григория Богослова; 1, с. 756], за троичную истину не дрогнул Василий: повел себя как воин, явил пример действия и верного слова. Его пониманием Учения Христа, его провидением людей и происходившего в Церкви в IV веке нашей эры собиралось Православие, единилось и крепло. Его прежде всего усилиями собран Второй Вселенский собор и утвержден догмат о Святой Троице.

Отвага и смелость, гражданская и духовная, сопрягались в Василии с удивительным прозрением будущего. Был он человеком, «который не смотрит на одно настоящее, но заботится о будущей благопокорности» [1, с. 763]. Провидел святой Василий будущее своей Кесарии, Константинополя и всей Вселенной (всего человечества). Провидел и приближал его. Приближал своим неустанным подвигом. Подвигом христианского епископа и подвигом души человеческой.

О людях болела душа Василия Великого. О всех людях. И прежде всего о бедных, убогих, слабых, больных и пр. О тех, о ком некому было позаботиться. Их в своем величии никогда не забывал христианин Василий Кесарийский. Им в силу своей должности и уважения к нему со стороны современников помогал он: кормил, одевал, лечил, ласкал добрым словом.

В помощи бедным не искал себе выгоды Василий Кесарийский. Был он, по выражению его друга Григория Богослова, «милостив даром» [1, с. 760].

Милостив был Василий и с теми, кем приходилось ему управлять. Не строгостью, но «пощадою» покорял он людей своему слову и деянию [1, с. 763].

Величие и забота о людях в Василии Великом явили себя в его переживании и утверждении библейской истины «Внемли себе» (Втор. 15: 9). В человеке, в его всматривании в себя, в очищении себя от отвратного видел Великий Василий врачевание душ человеческих и всех настроений мира людей. Видел и не ошибался.

Величие (разум и мужество) и милосердие Василия влекли к нему его современников. Люди с умом и сердцем предпочитали быть его сторонниками, «быть с ним и под его начальством» [1, с. 763]. Отчуждение от него почитали они «отчуждением от Бога» [1, с. 763].

Ушел из жизни Василий Великий, оставив о себе память как о человеке, сумевшем «объять всю Вселенную» [1, с. 764], объять и привнести в нее Святотроицево согласие и милосердие.

Ушел из жизни Василий Великий, оставив о себе память как о том, кто, по Григорию Богослову, занимался не только богословием, но и *Христовым человечеством* [1, с. 787].

Григорий Богослов

Святителя Григория при жизни почтили именем *Богослова*. Почтили в знак его глубокого богомыслия. Богословие в его время было не учением только, но жизнью человека, жизнью тех или иных социальных институтов. Богословствованием (богомыслием) жила вся Римская империя. Жила драматически, ища себя самое, ища согласия в себе самой, ища своего обетования, не думая о будущем людей, но творя его в своем драматическом поиске.

Все и вся в богословии было внятнм епископу Григорию. Обо всем, и самом сложном и драматическом, мог говорить он *право и согласительно*. Мог, потому как был *любомудрым* [его выражение; 1, с. 463]. Любомудрость, в его прочтении, есть то, что дает человеку способность все и вся преодолевать. Преодолевать сложности в постижении непостижимого, препятствия жизненные, личные немощи, козни и злобу врагов, искусы и соблазны и пр. «Непреодолимы только Бог и Ангел, – писал святитель, – а в – третьих, – человек любомудрый, невещественный в веществе, неограниченный в теле, небесный на земле, бесстрастный в страданиях, всему уступающий победу, кроме самомнения, и тех, которые думают овладеть им, побеждающий своим низложением» [1, с. 463–464].

Святитель Григорий стремился в жизни стать *истинно любомудрым* [1, с. 461]. Стремился: много трудился над собою, над поддержанием в себе образа Божия [там же] – и стал таковым. Потому и смог, как никто другой, в богословии явить правое и согласительное слово. Смог явить слово о догмате Святой Троицы. Смог явить его тогда, когда многое и многое делалось людьми, арианским епископатам, для того, чтобы предать забвению Никейский символ и в этом забыть Христово обращение к человекам.

Каким был еще святитель Григорий? Характерная его черта – *достоинство* мыслящего человека – *достоинство* мыслящей Божьей духовности. «У всех высоких, о человек! – пишет Григорий Богослов, – одно отечество – горний Иерусалим, в котором сокрыто житие наше» [1, с. 591]. Все суть люди. Все суть Боговы творения. И в этом всякий должен блюсти себя самого. Себя самого как творение Божье, как чадо Божие. Блюсти свою совесть, искать правости в своих мыслях и поступках и во всем этом беречь свое имя *христианина*.

Григорий Богослов свято следовал указанной максиме. Святитель не искал легких путей, встречал с отвагой удары судьбы (превратности в его христианском служении), хулу недругов. Святитель никому не позволял чернить свое имя (см. его Слово «Против ариан и о самом себе»). Святитель высоко нес достоинство человека, свободно принявшего заповеди Христа и Святую Троицу. И эта его черта никак не противоречила присущему ему как христианину смирения. Смирению принимал он хулу в свой адрес, не злобою отвечал на злобу. Словом о достоинстве своем как исповедующего Святую Троицу отвечал он своим гонителям и недругам. В этом было его «дерзновение» [1, с. 584]. В этом являл себя он и как христианин, и как богослов.

Как человека с достоинством принимали Григория Богослова его современники.

Укажем и еще на одну черту возвышенной души Григория Богослова – *поэтичность* его природы. И она (черта) наложила отпечаток на его творения.

Григорий Богослов разделяет с вдохновенными своими современниками – христианами раннего средневековья – способность поэтически воспринимать явленное людям Спасителем в первом веке нашей эры. Григорий Богослов верует в Бога, верует как поэт. Верует светло, самоотверженно, с упоением. Бог для него – Художник, творящий и любящий свое создание (человека и мироздание). «Не художник ли всего, не тот ли, кто во все вложил закон, по которому все движется и управляется? – вопрошает Григорий Богослов. – Не тот ли, кто сотворил и привел в бытие?» [1, с. 488].

Все созданное Богом прекрасно и светло! Бог и творимое Им, для Григория Богослова, есть дарующее человеку (эстетическое [1, с. 498]) *наслаждение* и отдохновение. Бог есть *совершенство*. Совершенство духовное, нравственное. Бог на это в Себе указывает человеку. Бог этому учит человека. Человеку надо восхищаться и восхищаться созданным Богом. С этим чувством связано светло – светлое в человеке.

Григорий Богослов глубоко переживал дарованное ему свыше как человеку чувство прекрасного. Свято и бережно нес он его в своей душе. Светилось оно – дивное чувство – в его мыслях и словах о Боге, о Святой Троице, о Спасителе, о Христовой Церкви, о Пасхе, о его пастве, о его старшем друге Василии Великом, обо всем, что явилось предметом его внимания [см., к примеру, его размышления о Пасхе; 1, с. 803–827].

Глубоко переживал Григорий Богослов *блистательность и светозарность* созданного Троицей Богом [1, с. 804], переживал, потому и *постигал* промысленное Творцом. Потому и мог стать *Богословом*.

Григорий Нисский

Григорий Нисский, младший брат Василия Великого. Каким был этот учитель Церкви? Определяющими чертами его возвышенной души были, полагаем, *ревность о Боге, философичность, чувство прекрасного и достоинство*.

Аскетико – поэтическая душа Григория Нисского искала единения с Богом, *содружества* с Создателем [его стилистика; 8, с. 68]. Искала до самозабвения. Потому и обратилась к девству.

«Обманчивость жизни» отинула душа мыслителя и приняла обет безбрачия [8, с. 77]. Богу себя посвятила она. Посвятила и свято следовала своему обетованию. *Удалился от жизни* Григорий, младший брат Василия Великого, и начал служить Богу с данным ему талантом. Служить свято и действенно. Служить словом, глубоким и убедительным. Служить деяниями своими: стал он по желанию брата своего Великого епископом Нисским. Деяниями, выверенными и необходимыми для Православия, для утверждения догмата Святой Троицы.

«Жить только душой и по возможности подражать жизни бесплотных сил, в которой не женятся, не посягают (Мф. 22: 30; Мк. 12: 35), но для них и дело, и труд, и подвиг – созерцание нетленного Отца и крашение своего образа по подобию первоизданной красоты чрез подражание ей, по мере возможности» – вот максима жизни святителя, вот то, чем жила его религиозно – поэтическая душа [8, с. 84].

Григорий, конечно же, по природе своей был *философом*. Мысль как чудно – чудная реалья влекла его к себе. Всмотреться в искомое, большое и сложное, высветить его составляющие, удержать их связь между собою, удержать ускользящее от невнимательного взгляда движение предмета, вступить в его (предмета) жизнь, вступить, не нарушая ее движения, ото-зваться на ее (жизни) вопрошания)... – все это и есть *дорогое* для Григория Нисского. Как философ всматривается он в себя, в Бога, в Святую Троицу, в жизнь Римской империи, в свою семью, в окружение своего брата, в свою паству, во все...

Как философ и как исповедующий Святую Троицу знает он и границы своего философствования: к Богу, к «неизреченному свету», к красоте, «недоступной постижению» приступает он со смирением и благоговением [8, с. 96].

Прекрасное вело Григория по жизни. Бог как совершенство, как «первообразная красота», как «непостижимая красота» [8, с. 96] – этим жила вдохновенная душа мыслителя. Все и вся им поверялось этим великим чувством. Пишет он о сестре своей – преподобной Макрине, о девстве, о брате, о другом некоем – все становится предметом его любования. Любования совершенным, принимаемым Богом, соотносимым со Святою Троицею.

Прекрасным жила душа вдохновенного мыслителя. Может быть, потому ничто плохое не пристало и не могло пристать к ней в его жизни, конечно же, не лишенной столкновений, хулений и прочего, прочего человеческого.

Григорий Нисский являл собою (жизнью своею) *достоинство* человека – христианина. В своих письмах обстоятельно он говорил о том, что никому не позволено унижать достоинство другого человека. Всякий из людей – образ Божий. В этом он (всякий) уже достоин уважения. «Обида в отношении к свободным не извинительна», – пишет святитель [8, с. 247]. Страстные, глубокие тексты святителя суть развертывания мыслей человека с высоким достоинством.

Чтящий себя как Божову духовность (человек) и может, по Григорию, говорить глубоко и ответственно и о Святой Троице, и о людях, и о жизни. Это читается в его (святителя) поведении и словах.

...*Всех* каппадокийцев – тринитариев объединяет дивная черта – *открытость* их душ *движениям человеческой души*. Да, да, именно так. Все богословы были волею своею, избранничеством своим монахами. Тем не менее, каждый из тринитариев в трудах и молениях не

только не отгородился от жизни людей, но и жил человеческими переживаниями и поступками, разумеется, в мере, каковая позволительна для монашествующих. Но так ли это? Приведем характерные высказывания мыслителей.

«Друга верного нельзя ничем заменить, – пишет Григорий Богослов, – и нет меры доброте его. Верный друг – крепкая защита (Сир. 6: 14, 15) и огражденное царство (Прит. 18: 19); друг верный – сокровище одушевленное. Друг верный дороже золота и множества драгоценных камней... Друг верный – пристанище для упокоения. А если он отличается благоразумием, то это еще драгоценнее!...» [1, с. 234]. О Григории Нисском – о друге своем – пишет святитель. Пишет не как монах. Пишет как просвещенный христианин и *живой человек*. Тепло и поэзия его души светятся в избираемых им фразах и заимствованиях. Не скрывает святитель своего чувства, лелеет его и являет в своей речи.

Григорий Нисский в одном из писем *разражается* речью о причиненной ему несправедливости со стороны одного из епископов. (письмо Епископу Флавиану). Гневается явно святитель, изливает свои переживания в связи с творимым в отношении его епископом – собратом. «Но оскорбление людей свободных и нанесение бесчестия равночестным, какими законами узаконено?» – восклицает Григорий [8, с. 247]. Сдерживается святитель, но не лицемерит и – возмущается, возмущается. Кипучая и честная его натура никак не может забыть нечестия в отношении себя, не может, и волю ей дает наш святитель, не видя в том укора себе как монашествующему.

Василий Великий более сдержан в своих речах в сравнении со своими сподвижниками. Но и его живая, полная чувств, переживаний натура заявляет о себе в его словах. Василий ищет «объять всю вселенную» [выражение его друга Григория Богослова; 1, с. 764]. Объять – и это важное – *братски, с пристрастием, с любовью, с желанием поддержать* все и вся, *урачевать* нестроения и боли (в этом его полная любви к человеку натура).

Вот Василий *взывает* к человеку, чтобы он внял себе самому и в себе открыл Божий мир. «Внемли... и подивись, какое приличное виталище устроил разумной душе наилучший Художник... [10, с. 125]. Вот *обрушивается* он – именно обрушивается! – на ищущих богатства, корысти людей. Ср.: «Промышляй о настоящем и о будущем, и не утрать последнего ради гнусной корысти» [10, с. 190]. Вот проговаривается Василий, что *не любит (не любит!)* незаконченных дел [10, с. 140]. Вот пишет он постигшем людей голоде, пишет о том, *как плакал он о бесплодии полей* [10, с. 177]. Вот задерживается его взгляд на том, что и сам Христос *плакал* (о Лазаре; Ин. 11: 35). Вот замечает он, что Господь «вкушал и вкушал, и пил, не Сам имея в том нужду, но (нам) оставляя меру и предел *необходимых ощущений души* (разрядка авторов)» [10, с. 131].

Во всем, что ни становится предметом его мысли, являет себя Василий человеком, в котором богословие не вытеснило *интерес и симпатию* к живому.

Приведенное о тринитариях – приведенное о живости их душ – видится не случайным, но выражением утверждения и развития ими учения о Святой Троице. Святая Троица, в отличие от Бога ветхозаветного, не требовала от человека забвения человеческого в нем, что порождало такую реалию, к примеру, как фарисейство (хладное богословие и лицемерная жизнь). Напротив, Святая Троица востребовала в детях своих – людях – *радость и приятие* жизни. Приятие жизни, в коей светло сопрягаются и любовь к Богу, и переживание светлых человеческих чувств (последние освящаются единением с Создателем).

...Возвышенные души Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского... Сколь запечатлелись движения их в деяниях и мыслях святителей!..

2. Троичность сознания и бытие человека

Единой является жизнь наша, которая достигается чрез веру во Святую Троицу.

Григорий Нисский, Послание не доверяющим православной его вере, по просьбе христиан Севастии

О святой и блаженной Троице ныне имеем некоторое познание.

Григорий Богослов, Слово 43

Святая Троица... Какие чудные смыслы несет в себе эта (ир) реалья? Постараемся развернуть их, опираясь на святоотеческую традицию.

2.1. Святая Троица

Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца Небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого господина Иисуса Христа, Сына Божиего, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рождена, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша: нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, вочеловечшася: распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавши, и погребена: и воскресшаго в третий день по писанием: и возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца: и паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца; и в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже с Отцом и Сыном спокланяема и славима, глаголавшиаго пророки...

Нами приведены формулировки Константинопольского Символа веры [9, с. 279].

Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух... Святая Троица. Реалия, сменившая Бога Ветхозаветного, Того, Кто был Один, без Сына и без Святого Духа (в Его новозаветном прочтении), Кто был недостижим для человека и в этом далек от него? Что изменила Троица в восприятии человеком мира и самого Бога? Изменила *все*. «Услышав об Отце, – пишет Григорий Нисский, – мы подразумеваем причину всего; узнав о Сыне, познаем силу, воссиявшую из первой причины для устройства вселенной; узнав о Духе, постигаем совершительную силу того, что приведено в бытие творением от Отца чрез сына» [8, с. 297–298].

Знание о Троице (Григорий Нисский пишет *о познании, о постижении* и пр.) и приятие Ее в качестве своего духовного опыта ввело человека в его *подлинное* бытие. Это важнейшее, что следует из догмата о Троичности Бога.

Ветхозаветный Бог (Бог иудеев) человека не допускал к познанию мира и его самого (человека), не допускал к познанию мира и участию в его бытии. Человек слепо шествовал в своем заблуждении со времен Адама по просторам мироздания. Не видел ни себя, ни мира, ни Бога. И вот Святая Троица обращается к человеческой духовности и сосредоточивает ее внимание на причине всего и вся (на Боге Отце), на ней самой (человеческой духовности) – на Спасителе, вочеловечившемся и спасающем ее своей любовью к ней и на утверждающейся среди мира людей и всей твари свершительно – животворящей силе (Святом Духе).

Всему есть начало, и начало светлое (Бог Отец). Все устраивается не случайно, не зыбко, но прочно и со светлым замыслом (Вторая ипостась). Все свершается непреодолимою животворящей силою (Святой Дух). Этим – тринитарным – *знанием и любовью* к себе Тринитарного Бога высвобождается человек из своей духовной слепоты и слабости. Григорий Нисский указанные реалии в их сопряжении друг с другом (знание и любовь Бога к человеку) трактует как определяющее бытие новозаветного человека [8, с. 176].

Тринитарная вера не отвела взор человека от единого начала в мире (Троица онтологически есть единое), но открыла пред ним (перед взором) внутренне присущее человеку и мирозданию – стремление к обновлению всего и вся. Человек сосредоточился на себе и обрел ориентир этого сосредоточения – преобразование себя на началах Троичности. Себя человек стал постигать как выражение чего – то высоко – высокого, как ведомое *высоким* [Григорий Нисский; 8, с. 208 и др.], ведомое любящим его и как принимающее Ведущее себя, как встречающее в себе животворящее начало.

Тринитарная ирреальность – и в этом интуиция Святых Отцов – свою светлую особенность являет прежде всего во второй своей ипостаси. «Святая Троица, – пишет Григорий Богослов, – (есть) в самом Христе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков» [1, с. 370]. Христос, в святоотеческой традиции, есть *Слово*. Христос есть Слово, «потому, – пишет Григорий Богослов, – что изъявляет Его (Бога Отца)» [1, с. 536]. Христос есть *изъявление* (при-

внесение в мир) божественной воли, божественного предназначения. Христом – Его деянием – держится мир как мир доброго Бога, мир светлого благого замысла. «Сын, – пишет Григорий Богослов, – именуется Словом, так соприсуший всему существу. Ибо что стоит не Словом» [1, с. 536].

Христос как вторая ипостась Троицы объял в себе ожидаемое миром и человеком в ново-заветные времена. В Боге Сыне милосердие и любовь вступили в очерствевшее сердце человеческое и дали ему надежду на новую жизнь (пасхальность святотроичного восприятия мира).

В тринитарном видении Бога человек обрел свое подлинное бытие. В этом *все* для него стало другим. И Бог, и мир, и он сам, и вся тварь – все стало внятным для обретшего подлинное бытие человека.

Святая Троица... Живо – живое, не поддающееся формализации и в этом оживотворяющее мир человека и всей другой твари. Реалия, каковая открылась и *открывается* еще человеку. И это глубоко переживали первые тринитарии. «О святой и блаженной Троице ныне имеем некоторое познание», – замечает Григорий Богослов [1, с. 795]. Имеем некоторое познание...

Не все еще о себе Святая и Блаженная Троица открыла нам, людям. Нужно еще много – много потрудиться, дабы открылись человеку и *другие* глубины Троичного бытия мира...

2.2. Воздействие

Как Святая Троица *в ее целостности и полноте* (Символ веры) воздействовала на образ воспитания в христианской традиции?

Опираясь в решении поставленного вопроса будем на близкую нам схему осмысления предмета постижения – *онто-, антропо-, аксио-, гносео- и психологию и эстетику* познаваемого (схема восходит к идее Гачева Г.Д. [5]). Посредством этой схемы и ее реализации выявим существенное в христианском воспитании в его обусловленности тринитарным прочтением Бога.

2.3. ОНТОЛОГИЯ

Бытие мира, сотворенного и направляемого Троициным Богом... Какое оно? И прежде всего в сравнении с бытием мира Бога Ветхого Завета?

Мир со Святою Троицею стал другим, чем был он в ветхозаветные времена. Бог Отец изменил свое участие в жизни своих чад. Бог, заботясь о людях, обратился к «сильнейшему средству [1, с. 810]. К людям Он посылает Своего Сына. «Само Божие Слово, – пишет богослов, – превечное, невидимое, непостижимое, бестелесное. Начало от Начала, Свет от Света, источник жизни и бессмертия, Отпечаток Первообраза, Печать непереносимая, Образ неизменяемый, определение и слово Отца, приходит к Своему образу, носит плоть ради плоти, соединяется с разумной душой ради моей души, очищая подобное подобным, делается человеком по всему, кроме греха... О новое смешение!» [1, с. 810].

Мир с приходом Спасителя кардинально преобразуется.

Святой Дух засвидетельствовал грядущее изменение. И вся тварь в мире *вдохнула и воспела*. Все в мире стало возможным. И все *как доброе*. Не око за око, а по милосердию стали твари друг с друга испрашивать желаемое.

Мир с Троициным Богом поверил в свое светлое единство и рванулся к *высокой соборности*. Соборности живой и творческой. Всякая тварь обрела смысл своего существования. Не одна (отныне) она. Она с Богом – со Святою Троицею. Она со всеми другими тварями, она – с человеком, обновленным (обновляющимся) и болеющим за все живое. Общее бытие (ранее его не было, мир был разобщен) объемлет все и вся. Высокая соборность составляет основание мира. «В самом деле, не замечаешь ли, – пишет Григорий Богослов, – что закон любви управляет небом, когда оно в стройном порядке сообщает воздуху свет и земле дожди? А земля и воздух не родительской ли любви подражают, когда дают всем животным – одна пищу, другой – возможность дышать, и тем поддерживают жизнь их? ...Если все это бывает так и распоряжается, и управляется по первоначальным законам гармонии, так как бы все вместе текло, одно имело дыхание, то можно ли сделать из этого другое заключение, кроме того, что все проповедует нам о дружестве и единомыслии, что все предписывает нам закон единокровия?» [1, с. 185–186]. Это в мире начинает отчетливо видеть поверившая в Святую Троицу душа человеческая. Начинает видеть и верует в утверждение «дружества и единомыслия» в мироздании.

Рознь и вражда уходят из мира. Во всяком случае, мир времени тринитарного сознания движется к этой светлой реалии.

Мир с Троициным Богом подвинулся к *персонализации* себя самого. Все и вся в нем стало искать личного своего бытия. Бог – Спаситель – ищет личного участия всего и вся в собственном спасении. Ищет и востребует светлой персонализации. И вся тварь, и прежде всего человек, откликается на призыв Спасителя. И стремится к высокой персонализации, к высокому самоусовершенствованию. Концепты «мы», «я», «наше» и аналогичные в соответствующем контексте последовательно присутствуют в текстах тринитариев. Ср., к примеру: «Итак, когда уничтожится междоусобная брань в нашем естестве, тогда мы, примирившись с собой, станем «миром» и покажем, что истинно и действительно носим на себе сие имя Христово» [8, с. 221].

Человек как персоналицированная духовность становится демиургом происходящего во вселенной.

Очерчивая онтологические воззрения тринитариев, необходимо рассмотреть проблему предопределенности бытия и, соответственно, человека в нем.

Нет предопределенности бытия, в прочтении тринитариев. Павлова мысль о даровании человеку свободного искания истины в себе и мире (и преобразования второго) воспринята и развита последователями догмата о Святой Троице. Все в мире и в человеке по Божию промыслению (или по попущению). Все *от милующего Бога* [1, с. 627]. И никого – это важно

в промысле Божиим – Бог не относит заведомо к тем, кто не спасется или спасется. «Превратно мнение, – пишет тринитарий, – что одни по самой природе назначены к совершенной гибели, а другие – к спасению...» [1, с. 626]. Бог решает, как поступить отношении того или иного человека (народа, человечества, мироздания). Его решение – так нами прочитываются мысли тринитариев – зависит и от твари (от человека, от мира). Так угодно Создателю. «Ибо, – пишет святитель Григорий Богослов, – надобно, чтобы дело спасения зависело как от нас, так и от Бога» [1, с. 626].

Бог, получается, не судейски – хладной мерою – дарует спасение, но дарует, во – первых, по милости своей. Она (милость) одна может быть принята во внимание Богом, по его неведомым человеку соображениям [см. утверждаемое святителем об Иремии; 1, с. 627]. И, во – вторых, дарует спасение *достойным* [выражение Григория Богослова; 1, с. 628]. Достойные – те, кто идет, по святителю, навстречу Богу [там же].

Святая Троица открыла для мира *новое небо и новую землю*. И небо это, и земля – *бого-человековы*. Этими реалиями стал жить мир сотворенный.

2.4. Антропология

С рождением прежде всех веков Бога Сына и исхождением от Отца Святого Духа кардинально изменяется срединная тварь мироздания – человек. Человек соравняется с Богом. Бог воплощается в человека. Этого не мог вместить разум иудея. Бог (для иудея) бесконечно далек от человека! Иудей подобное приближение человека к Богу воспринимает как чудовищность [7, с. 787]. Христианин (иудей, эллин и пр.) с благоговением принимает это. Христианин устами Григория Нисского вступает в «братство со Христом» [8, с. 232]. Могло ли это быть во времена Моисея?

Наступает эра богочеловеков.

Человек чрез Спасителя – Бог Отец Сына Своего к людям посылает – восстанавливает свою природу. Внутреннее его (внутренний человек; выражение апостола Павла: Рим. 7:22) объемлет всю его духовность. Человек овладевает собою. Собою как не ищущим себе выгоды и власти над людьми и тварями земными. Собою как обязанным соучаствовать Евангелию (1 Кор. 9:23).

Человек обретает свободу – свободу искания себя как чада Божия. Любовь, милосердие, бескорыстие, приятие ближнего, чистота помыслов, смирение, труд, самоусовершенствование – этим начинает жить его духовность. Человек обретает уверенность в себе. Лучшее в нем развертывается. «Творческий замысел» о нем Создателя реализуется [8, с. 175].

Человек не гибельное создание. Нет предопределенности его к гибели (см. суждения о предопределенности Григория Богослова в предшествующем параграфе). Человек предрасположен к своему спасению. Он любовь и радость Бога. Радость не успехами земными своими, а своим восхождением к Богу, соработничеством с Ним.

Все и вся становится внятными человеку. Все и вся он может. Удел его – вселенские задачи. Ему надлежит «небесное благоустройство изображать на земле» [10, с. 320]. Этим полнится его душа. Это – середина его бытия.

Человек открывает в себе беспредельность и становится светло непостижимым в своей потенциальности (возможности). Человек как создание по образу и подобию не может быть сведен к той или иной данности. Он – существо *становящееся*. Восходящее в своем приближении к Создателю. Постичь его не представляется возможным (см. мысли Василия Великого об открывающихся человеку мирах через Святотроицкое учение [10, с. 387–388]). Можно лишь удержать его движение к себе истинному. В этом одна из сокровенных мыслей тринитариев о человеке.

Светло – великое в человеке дается не даром ему. Вторая ипостась Бога указала путь человеку в его спасении (Святой Дух являл это через пророков) – путь подвига, путь избранничества к жертве, путь борения с самим собою, путь обожения.

Человек чрез Троицность Бога познал свою склонность к изменчивости [8, с. 237]. В ней увидел он свою и пагубу, и свою возможность вступить в высокое. «Изменяемость, – писал Григорий Нисский, – производит и прекраснейшее дело – возрастание в добре, когда изменяющегося к лучшему изменяемость в сторону добра постоянно приближает к Божеству» [8, с. 237]. Борение с собою, со своими страстями ведет человека к высокому.

Святая Троица внесла в жизнь человека и тему ответственности. Ответственности его за все и вся в мироздании. «Человек «подвергается ответственности», – пишет Василий Великий [10, с. 320].

Святая Троица своим вниманием к человеку, заботой о нем, доверием к его свободе, его способности любить и отвечать за все живое – подвигла род людской к великой работе над собою и великой ответственности за все и вся. Человек принимает обращенное к нему

Триединым Богом и начинает своей вселенский труд – труд преобразования себя самого и мира.

Человек из ведомого – слепо следующего закону – преображается в существо *творящее*. Со Спасителем, со Святою Троицею вовлекается он в великую мистерию обретения *нового неба и новой земли*.

Вся последующая история европейской цивилизации с ее дерзновениями и драмами будет вершиться святотроицевым человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.